

Му Цинхуа считал, что проявляет к своей кармической связи поистине безграничное терпение. Даже когда Е Чунлань подхватил его на руки, словно девицу, он стерпел и не приложил в ответ Лянъи, ограничившись лишь тем, что наложил на наглеца заклятие оцепенения на четверть часа.

Е Чунлань, конечно, мог бы увернуться, но, глядя в редкие, полыхающие гневом глаза своего даоса, решил, что лучше смиренно принять участь — предчувствие подсказывало, что в противном случае последствия будут куда плачевнее.

Нельзя не признать: инстинкты дикого зверя у него работали на редкость точно.

После завтрака Му Цинхуа позволил Е Чунланю прильнуть к себе и вкратце пересказал то, что увидел минувшей ночью.

Да, речь шла именно о тайной связи Хэ Цинчжэнь с Ци-ваном.

Ци-ван, дрожа от страха, пытался выведать что-то, наивно полагая, что никто ничего не замечает. Но разве это было возможно? У Му Цинхуа было острое зрение и чуткий слух, а с поддержкой внутренней силы он видел и слышал всё, что творили эти двое. Молчал он лишь потому, что происходящее его совершенно не касалось.

Однако это было лишь вчерашним мнением. Стоило ему открыть глаза и увидеть у своей постели Е Чунланя, как до него запоздало дошло: нынешний статус этого человека — император, центр политического вихря.

Ради своего будущего золотого запаса и новоиспеченной кармической связи ему, похоже, не удастся остаться в стороне.

Подумав об этом, он ощутил глухое раздражение. В кого угодно можно было переродиться, но надо же было угораздить стать именно императором — синонимом всех возможных неприятностей.

Е Чунланю внезапно стало холодно. Он инстинктивно придвинулся к человеку рядом и с досадой спросил:

— Что нам теперь делать? — Он указал на собственное тело. — Прежний хозяин этого тела жаждал мести, да и мне эти двое крайне неприятны. Но из-за их статуса нельзя просто так взять и зарубить их мечом. Сушая морока.

— Нельзя открыто — сделаем тайно. Убить двоих — дело нехитрое. — Хотя Му Цинхуа не привык лишать жизни, но ради кармической связи он был готов переступить через себя.

Этот план был грубоватым, но пришелся Е Чунланю по душе. Впрочем, уже в следующую секунду он понуро опустил плечи и покачал головой:

— Не выйдет. У прежнего владельца была слишком сильная одержимость. Он хочет, чтобы они страдали больше, чем от смерти. По его мнению, просто прикончить их — слишком легкое наказание.

Едва он договорил, они переглянулись, сойдясь в одном: быть императором — невыносимо хлопотно.

Му Цинхуа задумался. В голове промелькнули сюжеты прочитанных некогда романов, и, сопоставив их с текущей ситуацией, он спустя время произнес:

— Раз тебя сковывает их статус, просто лиши их этого статуса и положения. Ты ведь император, они обязаны тебе подчиняться.

Е Чунлань вздрогнул. Его янтарные глаза засияли. Простая фраза собеседника словно распахнула перед ним дверь в новый мир.

Кажется, он всё это время упускал нечто важное. Он ведь больше не обязан быть законопослушным гражданином. Почему он должен загонять себя в рамки прежних представлений?

Прежний император хотел быть добрым правителем, и Е Чунлань не стремился стать тираном, но это не значило, что он не может использовать свою власть, чтобы добиться желаемого.

Разобравшись с мыслями, Е Чунлань пребывал в прекрасном расположении духа. Когда Хэ Цинчжэнь снова попыталась явиться под предлогом подношения отвара, он даже не стал её принимать, а просто издал указ: запретить Чжэнь-фэй покидать покои и заставить её размышлять о своем поведении, чтобы не мелькала у него перед глазами.

Причина была выдумана на ходу, но эта женщина, постоянно докучавшая ему своими визитами, его действительно раздражала. Раз нельзя сразу лишить её титула, придется действовать постепенно.

Такой повод для домашнего ареста выглядел нелепо и окончательно лишил Хэ Цинчжэнь лица. В тот момент, когда огласили указ, она почувствовала, будто ей дали десять пощечин на глазах у всех.

Насмешливые взгляды со всех сторон жгли её, но сильнее всего была невыразимая тревога: неужели император узнал правду?

От этих мыслей ноги её подкосились, и, если бы не слуги, она бы рухнула на землю.

Ци-ван, узнав о случившемся с Хэ Цинчжэнь, лишился покоя. Он тут же заподозрил нового государственного наставника: неужели тот лишь притворялся в ту ночь?

Несмотря на уверенность в своих выводах, новости о Хэ Цинчжэнь и постоянные записки заставили его поколебаться. В конце концов, он решил: что бы ни было правдой, наставник должен умереть.

Лучше убить невинного, чем упустить врага. Они еще не доехали до Цзинчэна, наставник официально не вступил в должность, и если не покончить с ним сейчас, потом будет в сто раз сложнее.

Все знали, что в династии Да Тун государственного наставника почитают как святого, и даже сановникам приходится проявлять к нему уважение. Убить даоса до получения титула и убить государственного наставника после — это были две совершенно разные вещи.

Му Цинхуа не подозревал, что кто-то уже точит на него нож. Он жил спокойно, дела Ци-вана его больше не заботили. Е Чунлань, кажется, нашел решение и больше не пребывал в растерянности. Му Цинхуа доверял ему: пусть тот порой и вел себя глупо, но лишь с близкими людьми, а перед врагами он умел быть безжалостным. Поэтому даос решил не вмешиваться.

Беда случилась внезапно. Кorteж должен был тронуться в путь после нескольких дней отдыха, но на глазах у всех Му Цинхуа внезапно рухнул на землю.

Е Чунлань в ужасе вызвал придворных лекарей, которые тут же вынесли вердикт: эпидемия.

Само слово, слетевшее с уст лекаря, заставило всех покрыться холодным потом. Глядя на лежащего Му Цинхуа, люди испытывали лишь страх и отвращение, словно перед ними было что-то предельно нечистое.

Е Чунлань пришел в ярость. Это был человек, которого он любил и ценил больше всего на свете. Как смеют они смотреть на него с таким отвращением? Он инстинктивно потянулся за спину, но нащупал пустоту: его тяжелого меча при нем не было.

Он уже хотел выгнать всех прочь, но не успел: лекари, евнухи и служанки повалились на колени, умоляя его уйти.

Все знали: эпидемия заразна, а император — опора государства. Если с ним что-то случится, никто из присутствующих не понесет ответственности.

Старый лекарь, бледный как полотно, дрожащим голосом произнес:

— Ваше Величество, сейчас главное — изолировать это место. И тех, кто прислуживал, тоже взять под контроль. Кто знает, сколько еще зараженных... А еще Цзинчэн, нужно срочно отправить людей...

— Пощадите, Ваше Величество! — рыдали все вокруг, в зале воцарился хаос.

Е Чунлань не слушал их вопли, ледяным тоном бросив:

— Мне нужно знать, что с даосом! Вы можете его вылечить?

— Старый слуга... бессилен, — лекарь припал к земле, сгорбившись.

— Бестолочь! — Е Чунлань забыл о приличиях. Его мысли были заняты лишь даосом. Ведь только что всё было хорошо, как вдруг — эпидемия? Он не мог с этим смириться!

— Ваше Величество! — старый лекарь вцепился в его ногу. — Вы — драгоценный сосуд, Вам нельзя туда!

— Нельзя? — Е Чунлань опустил взгляд и холодно усмехнулся. — Поздно, лекарь. Я все эти дни был рядом с даосом. Если бы я мог заразиться, это уже давно произошло бы!

Старый лекарь посерел.

Е Чунлань, не обращая внимания на протесты, направился к кровати. Подойдя ближе, он встретился взглядом с глазами цвета черного нефрита.

Если не считать легкого румянца на щеках и тонкого слоя пота на лбу, Му Цинхуа ничем не отличался от себя обычного, в его глазах по-прежнему царил покой.

У Е Чунлани дрогнуло сердце, глаза покраснели.

— Даос... — прошептал он, потянувшись, чтобы вытереть пот со лба.

Му Цинхуа отвел голову, уклоняясь от прикосновения. Глядя в полные тревоги глаза, он хрипло произнес:

— Уходи.

Е Чунлань открыл рот, но, почти в упор глядя на него, отрезал:

— Не уйду!

Му Цинхуа нахмурился:

— Ты теперь император, снаружи нужен тот, кто будет держать всё в руках. — Иначе начнется хаос, и Му Цинхуа был уверен, что Е Чунлань это понимает.

Е Чунлань понимал, но какая разница? Заболел не кто-то посторонний, а его даос, единственный близкий человек.

Словно прочитав его мысли, Му Цинхуа твердо произнес:

— Я не умру.

— Но...

— Никаких но. Обещаю тебе: я ни за что не умру!

Е Чунлань не хотел уходить, но, видя решимость даоса, не стал спорить. Он дал обещание, а если нарушит его — что ж, даже на том свете он достанет его ударом Возвращения журавля.

Е Чунлань ушел, оставив за дверью лишь нескольких лекарей и слуг. Му Цинхуа с трудом сел, глядя на серый значок Эпидемии у себя над головой, и нахмурился так, что между бровей можно было зажать муху.

К счастью, кроме легкой слабости, других симптомов не было. Вопрос лишь в том, когда этот эффект исчезнет.

О том, что он может остаться с ним навсегда, он не беспокоился. Его тело не было человеческим — оно состояло из набора данных. Обычные люди подвержены болезням и смерти, но тело из данных — никогда.

Максимум — вот такие временные состояния. В свое время он даже экспериментировал с вирусом зомби. Неужели какая-то эпидемия может быть страшнее?

Конечно, нет.

Му Цинхуа планировал отлежаться, пока эффект не пройдет сам, но, вспомнив встревоженное лицо Е Чунланя, всё же открыл инвентарь, порылся в нем и выбрал несколько снадобий. Не заботясь о вкусе, он проглотил их все.

Эффект был медленным, но всё же был. Му Цинхуа удовлетворенно кивнул.

В доме Му Цинхуа царила тишина, его тщательно охраняли. Снаружи же творился хаос, но благодаря присутствию императора он был быстро подавлен.

Тысяча гвардейцев плотным кольцом окружили усадьбу. Без императорского указа оттуда не могла вылететь даже муха.

Едва стабилизировав обстановку, Е Чунлань был тут же схвачен лекарями: пульс, отвары, сжигание всех его вещей — всё шло по списку.

Лишь отправив гонцов с приказами в Цзинчэн, он смог сесть и поразмыслить.

В прошлой жизни эпидемия на пути в столицу действительно была. Заболел не только он, четверть чиновников погибла, казна была истощена, что дало шанс заговорщикам.

Но в этой жизни такого не должно было случиться. С воспоминаниями прежнего хозяина он первым делом отправил чиновников в столицу, даже на жертвоприношения их не звал, всю дорогу был крайне осторожен.

Чиновники благополучно вернулись, а его нынешний кортеж, хоть и охранялся тысячей человек, снаружи казался уязвимым, но внутри был неприступен. Эпидемия не могла здесь распространиться. Где же произошла ошибка?

Е Чунлань вызвал главу тайной стражи, допрашивая его о каждой детали, но без толку.

Закончив дела, он направился к покоям Му Цинхуа, но по пути был перехвачен толпой наложниц и родственников, чьи рыдания вызывали у него мигрень. Он лишь отмахнулся и пошел прочь.

Внутри кипел гнев, который нельзя было выплеснуть. Он твердил себе: терпи, ни в коем случае не сорвись, иначе просто прикончишь всю эту ораву одной атакой.

Ночью, в глухую пору, самое время для убийств и тайных встреч.

Черная фигура проскользнула мимо охраны, усыпила слуг и вошла в спальню.

Му Цинхуа проснулся сразу же. Глядя на гостя, он остался невозмутим, лишь в глазах мелькнуло неодобрение:

— Я же просил не приходить. — Незначительная эпидемия его не убьет, а вот обычное тело Е Чунланя — вполне могло.

Е Чунлань надулся и плюхнулся на край кровати:

— Я же волнуюсь.

Он достал из-за пазухи бумажный сверток:

— Я принес тебе поесть. — В его голосе сквозило желание угодить.

Му Цинхуа, на удивление, почувствовал бессилие. Он достал еще снадобий и заставил того принять их, лишь тогда немного успокоившись.

Е Чунлань, приняв лекарство, сел на кровати по-турецки и начал рассказывать о своих планах. Он не был гением стратегии и прекрасно понимал свои пределы — роль императора давалась ему нелегко.

К счастью, рядом был Му Цинхуа. Пусть у того тоже не было опыта, но вдвоем всё было проще. Если бы он остался один, то, вероятно, давно собрал бы вещи и сбежал.

Внезапная болезнь Му Цинхуа напугала его. Не только потому, что он любил его, но и потому, что в этом чужом мире даос был единственным, кому он мог доверять.

Если бы даос умер, он бы не остался в этом логове змей и интриг ни на секунду.

Поэтому, хотя он не умел лечить и его присутствие не помогало, а лишь подвергало опасности, ему было спокойнее просто сидеть рядом, глядя на холодные черты лица любимого человека.

На следующий день в усадьбе слегли еще несколько человек. Эпидемия действительно распространялась, даже среди наложниц.

Зараженных изолировали, здоровым запретили передвигаться. В усадьбе горели костры, вещи безжалостно сжигали.

Е Чунлань выделил место для лекарей, приказал завезти горы полыни и извести. Воздух пропитался странным запахом.

Свита императора состояла из изнеженных аристократов, которые до смерти боялись заразиться. Они постоянно строчили донесения с просьбой вывезти больных за пределы усадьбы.

Это было логично, но Е Чунлань и слышать об этом не хотел. Другие — плевать, но как быть с даосом? Если других вывезут, даоса тоже придется отправить.

Вспоминая его бледное лицо и худобу, он не мог допустить, чтобы тот в одиночку боролся с болезнью. Это поступок подонка, а он не подонки, иначе старший брат его прибьет!

Прижатый к стенке, он посоветовался с даосом, и Му Цинхуа выдал целую кучу снадобий, которые подмешали в отвары для всех.

Снадобья даоса Му были чудотворными. Они лечили всё, и эпидемия оказалась им не страшна. Даже сам Му Цинхуа не ожидал, что лекарства, которые на нем самом почти не действовали, окажутся столь эффективны для других.

День, два — и всего через несколько дней больные начали выздоравливать. Эпидемия

отступила.

Через десять дней лекари радостно доложили: эпидемия под контролем.

Слухи распространились быстро, и все прониклись почтением к даосу. Двор, к которому раньше боялись подойти, теперь стал самым желанным местом.

Все думали: не зря он будущий государственный наставник!

Пока Му Цинхуа лежал в кровати, он не терял времени даром. Он уже знал, кто стоит за эпидемией — конечно, Ци-ван.

А как он это узнал, не выходя из дома? Маленький отряд — и всё решено!

На самом деле, это был мощный козырь, и он жалел, что не вспомнил о нем раньше, тогда не пришлось бы лежать десять дней.

На второй день после того, как Му Цинхуа слег, всё выяснилось. В ту ночь он пол-ночи провозился с кое-чем, а потом Е Чунлань нашел способ подбросить это Ци-вану.

Не прошло и получаса, как Ци-ван вызвал лекаря. Диагноз — эпидемия.

Ци-ван был в шоке. Что это? Вырыл яму и сам в нее упал? Да не просто упал, а почти раздавил себя!

Он никак не мог понять, как заразился. Решив использовать этот метод, он защищался со всей тщательностью, не выходил из комнаты, а его двор был неприступной крепостью. Как это возможно?!

Ци-ван рыдал, не в силах сдержать слез. Несмотря на теплую погоду, он дрожал, словно на морозе.

Как только новость просочилась, его изолировали вместе с приближенными.

Та же комната, тот же быт, даже двери не открывал — только теперь это было не добровольно, а принудительно. В ярости он разбил всё, что мог, но никто не обратил на него внимания.

Дни стали темными и безнадежными. Он был заперт, отрезан от мира, беспомощно наблюдая, как здоровая кожа сереет, покрывается пузырями, из которых сочится гной.

Самое страшное — не смерть, а наблюдение за тем, как ты медленно умираешь, не имея сил

даже на борьбу.

Однажды в полубреду он услышал ликование: божественное лекарство наставника спасает от эпидемии! Его мертвые глаза вспыхнули — это была воля к жизни.

Он хрипло кричал, его тело уже гнило, он требовал лекарство, он хотел жить!

Дверь, которая долго не открывалась, наконец поддалась. Скрип — и внутрь проник солнечный свет, но он не мог разогнать гнилостную тьму комнаты.

Ци-ван был вне себя от радости, глаза слезились от яркого света, но он упорно смотрел на высокую фигуру, входящую в комнату.

Гордые брови, красивое лицо, яркие янтарные глаза. Человек, что медленно приближался, двигался с грацией и достоинством.

Глядя на столь блистательного правителя, Ци-ван ощутил прилив жгучей зависти, которая жила в нем с детства.

Особенно сейчас, когда он сам лежал, словно дохлая собака.

— Брат... — он поднял руку, покрытую гноем, — спаси меня...

Е Чунлань холодно смотрел на него, не произнося ни слова, пока рука не упала на кровать.

Взгляд Ци-вана изменился: от надежды к разочарованию, а затем к неверию.

— Брат... — всё ещё пытался он бороться.

Е Чунлань наклонил голову, прядь волос упала на лицо. Наконец он заговорил, и слова его заставили Ци-вана закрыть глаза, едва не лишившись чувств:

— Сам накликал — сам и расхлебывай.

Ци-ван оцепенел. В голове пронеслись безумные мысли, но он выдавил:

— Брат, я... не понимаю...

Е Чунлань не стал тратить время на пустые разговоры:

— Я не хотел действовать так быстро. Убить — слишком просто, мучить — куда интереснее. Но кто же знал, что ты так стремишься в могилу? Тронул того, кого не следовало, — так и сдохни.

Его голос был спокойным, без лишних эмоций, что заставило Ци-вана дрожать. Он тяжело дышал:

— Ты... ты всё знал. Ты с самого начала всё видел...

Глядя на Е Чунланя, он видел перед собой дьявола.

Е Чунланю и нужно было это отчаяние. Он нанес последний удар:

— Лес за горой Цзиньань, боковой зал усадьбы... Как тебе моя Чжэнь-фэй? Настоящая красавица. Не волнуйся, я пока не стану её трогать, я её как следует «приму», а ваш сын — он тоже будет в полном порядке!

Ци-ван выплюнул кровь, окрасив край кровати.

Е Чунлань не стал задерживаться. Лишь за спиной раздался отчаянный вопль Ци-вана:

— Брат! Брат! Я виноват... пощади меня...

Дверь безжалостно захлопнулась, мольбы сменились проклятиями:

— Ли Синьюань! Ли Синьюань! Ты не умрешь своей смертью! Я стану призраком и не отпущу тебя!

Охрана у дверей старалась не слушать. Е Чунлань глубоко вдохнул свежий воздух, вонь гнили наконец рассеялась.

Он усмехнулся, лицо смягчилось, маска непостижимости исчезла. Что до криков за дверью — пусть кричит, недолго осталось.

Однако он потерял руки, стоя на солнце: снадобье его даоса и впрямь было страшной вещью. Всего за несколько дней превратило человека в такое чудовище. Похоже, с ним лучше не ссориться!

Два дня спустя Ци-ван скончался. Это произошло даже раньше, чем предполагал Е Чунлань. Говорят, люди, пришедшие забирать тело, едва не лишились чувств от отвращения, увидев, во что оно превратилось.

Тело в итоге предали огню. Даже не устроив подобающих похорон, его сожгли до состояния горстки пепла — на этом настояли придворные лекари, опасаясь распространения заразы.

Е Чунлань, разумеется, знал, что никакой реальной угрозы заражения нет: причиной смерти стала вовсе не эпидемия, а яд. Вся эта история с поветрием унесла жизнь лишь одного Ци-вана, остальные остались целы и невредимы.

Когда Хэ Цинчжэнь узнала об этом, она лишилась дара речи. Если бы весть не принесли её самые доверенные люди, она бы решила, что это глупая, крайне неудачная шутка. Но во дворе уже облачились в траур, а император лично поддерживал тяжелый черный гроб, за которым несли поминальную табличку — табличку Ци-вана.

В тот миг, когда её взгляд упал на имя, выведенное на табличке, она не поняла, что захлестнуло её сильнее: горе или ужас, а может, и то, и другое вместе. В голове образовалась пустота, мысли почти не ворочались.

Ци-ван мертв. Что ей теперь делать? Ведь эта болезнь должна была поразить императора и того даоса, так почему же жертвой стал именно Ци-ван?

Она никак не могла этого осознать, в голове царил полный хаос, и всё больше её терзали тревоги о собственном будущем.

Спустя полмесяца император, отсутствовавший в столице почти четыре месяца, наконец вернулся во дворец. И первыми, кто встретил его, были не чиновники с поклонами и радостными возгласами, а слезы вдовствующей императрицы Лю.

Лю выглядела еще молодой, однако её лицо осунулось, а в глазах читалась глубокая усталость. Она была второй супругой покойного императора и родила ему сына и трех дочерей. Ци-ван был её единственным сыном, и теперь, когда он внезапно скончался, она даже не успела увидеть его в последний раз. Хотя весть о трагедии дошла до неё давно, при виде гроба она всё равно лишилась чувств от рыданий.

Как император и номинальный сын вдовствующей императрицы, Е Чунлань, конечно, не мог остаться в стороне. Он лично проводил её до покоев, вызвал лекарей, следил за приемом лекарств — словом, внешние приличия были соблюдены безукоризненно.

Когда он вышел из её покоев, в небе уже сияли луна и звезды. Е Чунлань погладил живот, чувствуя сильный голод. Он направился напрямик во дворец Фэнхуа — временную обитель Му Цинхуа, расположенную недалеко от покоев правителя.

Если бы не здешние интриги и страх навлечь на Му Цинхуа лишние неприятности, он бы с радостью поселил его у себя, но, увы.

Хоть спать вместе под одним одеялом и не вышло, ужинать они должны были вместе. Он не собирался трапезничать в одиночестве — это верный способ испортить себе аппетит.

Во дворце Фэнхуа росло много кленов, но сейчас был не сезон, иначе здесь можно было бы любоваться пылающим багрянцем листвы. Едва переступив порог, Е Чунлань увидел фигуру у окна. Ночной ветер растрепал волосы Му Цинхуа, и этот вид заставил сердце Е Чунланя дрогнуть.

Он тихо кашлянул, с трудом возвращая себе подобающий государю облик, и скользнул взглядом по столу. Там, аккуратно расставленные, дымились блюда. О, еще горячие!

Его настроение мгновенно взлетело вверх, и он просиял:

— Ты еще не ужинал? Ждал меня?

Му Цинхуа промолчал, но молчание означало согласие. Улыбка Е Чунланя стала еще шире.

После ужина Е Чунлань еще немного поболтал с ним, но уходил неохотно — его даос снова отказался оставить его на ночь. Он понимал мотивы Му Цинхуа: всё-таки это императорский дворец, здесь слишком много ограничений. Даже если им обоим было плевать на чужое мнение, у каждого места свои правила, и сейчас они не могли позволить себе действовать по своему усмотрению.

Е Чунлань подумал, что в прошлой жизни было куда лучше. Какая была свобода! Все заботы можно было свалить на Шэнь Циня, а они с даосом могли проводить всё время вместе, и за спиной не маячила толпа любопытных. И главное — там были полчища зомби, на которых можно было оттачивать мастерство владения мечом. А в этой жизни он уже целую вечность не касался рукояти. Его тяжелый и легкий мечи всё еще не были выкованы — какой правитель станет стоять у горна, раздувать мехи и ковать оружие? Его бы тут же засыпали упреками!

Он откровенно завидовал Му Цинхуа, который каждое утро мог открыто тренироваться, в то время как за каждым шагом самого Е Чунланя следили десятки глаз.

На следующее утро Е Чунлань столкнулся с самым тяжким испытанием с тех пор, как стал Ли Синьюанем — утренним докладом!

К счастью, последний месяц прошел не зря: он усердно учился. Сопоставив обрывки воспоминаний прежнего владельца тела с реальностью, он неплохо разобрался в делах государства Тун, именах и должностях чиновников. В целом всё прошло гладко, вот только терпения у него не хватало — через полчаса он уже начал клевать носом.

Е Чунлань не понимал, зачем тратить столько слов на пустяковые вопросы, ссылаясь на древние каноны. Простые вещи усложняли, а сложные превращали в бесконечные споры. Теперь он понял, насколько утомительно и скучно присутствовать на утренних аудиенциях. А из-за того, что император отсутствовал четыре месяца, дел накопилось невпроворот. Если бы не необходимость держать лицо, он бы уже давно зевнул во весь рот.

Е Чунлань решил, что первое, что он сделает в качестве императора, — научит своих подданных говорить по существу. Краткость сэкономит им слюну, а ему — нервные клетки.

Именно в тот момент, когда он, сидя на троне, боролся с желанием закрыть глаза, знакомое имя вырвало его из дремоты.

Раздался громкий возглас, и в зал, ступая против света, вошел человек в белоснежном даосском халате, с обликом истинного небожителя. Он шел не быстро и не медленно, шаг за шагом, с невероятным спокойствием. Его узкие глаза не выражали ни тени волнения.

Му Цинхуа остановился посреди зала. Он не стал опускаться на колени, лишь слегка склонился и сложил руки в приветственном жесте.

— Бедный даос Чаншэн приветствует Ваше Величество.

Му Цинхуа официально получил назначение. Император лично издал указ, отвергнув все попытки приближенных навязать своих кандидатов. Му Цинхуа без лишнего шума переехал в Павильон Охвата Луны.

Этот павильон был резиденцией государственных наставников в Цзинчэне, прямо на территории дворца. В нем находилась башня Сбора Звезд — самое высокое здание в столице, откуда наставники наблюдали за небесными светилами и предсказывали судьбу.

Му Цинхуа осмотрел новое жилище и остался доволен: тихо, людей мало, каждый знает свое дело, и по пустякам его не беспокоят.

Единственным, кто остался недоволен, был Е Чунлань: хоть павильон и находился во дворце, он стоял на самой окраине. Теперь, чтобы навестить своего даоса, ему приходилось пересекать чуть ли не весь дворец! Это его удручало.

Слухи о том, что новый наставник исцелил эпидемию в загородной резиденции, быстро разлетелись по городу. Народ не только заинтересовался им, но и проникся глубоким почтением. Статус государственного наставника в династии Тун и так был возвышенным, а теперь его начали почти обожествлять, и крошечные пилюли Му Цинхуа превратились в чудодейственное лекарство от всех болезней. Люди из кожи вон лезли, чтобы достать хотя бы одну.

В то время количество подделок в Цзинчэне резко возросло. Чтобы пресечь это, в Павильоне Охвата Луны предложили стратегию: раз в месяц или два выделять день, когда павильон будет бесплатно раздавать определенное количество лекарств. Это должно было ударить по мошенникам, помочь народу и заодно укрепить репутацию павильона.

Однако окончательное решение оставалось за Му Цинхуа. Если он не согласится, ничего не выйдет.

Выслушав предложение, он немного помолчал, а затем произнес:

— Десять порций в месяц. Отдам тому, кто предложит больше.

— Что? — присутствующие опешили. Кто-то набрался смелости и возразил: — Господин

наставник, это не совсем уместно. Так о нас подумают, что мы гонимся за наживой, это повредит репутации павильона.

— Цэ, — равнодушно отозвался Му Цинхуа. — На изготовление лекарств уходят силы и средства. Вы думаете, это делается по щелчку пальцев? Затраты на материалы и оплату труда должны быть покрыты.

Хотя он так говорил, правда заключалась в том, что эти пилюли делались элементарно. У Му Цинхуа навык алхимии был прокачан до предела, и здесь не было ограничений по затратам энергии — при наличии ингредиентов он мог штамповать их сотнями. Но как можно упустить такую возможность заработать?

За всю историю у наставников случались странности, но никто еще не был настолько помешан на деньгах. Разве монастырь Цинтун на горе Цзиньань не славился отрешенностью от мирской суеты? Откуда взялся этот делец?

Люди бились за репутацию павильона, копившуюся столетиями, до хрипоты споря с новым наставником. Му Цинхуа сражался с ними весь день, но в итоге отступил: эти приверженцы традиций были слишком упрямы. В итоге они сошлись на двадцати порциях в месяц: половина бесплатно для простого народа, половина — за высокую цену, прибыль от которой шла ему в карман.

Они хотели поторговаться еще, но, увидев решимость в его глазах, поняли, что это предел.

Му Цинхуа официально включил производство пилюль в свой график. Не прошло и нескольких дней после первой раздачи, как на пороге снова появились гости. Что ж, он берет свои слова обратно — здесь ничуть не спокойнее.

Пришел глава гражданских чиновников, премьер-министр Ли. Единственный раз, когда Му Цинхуа видел его, был день его назначения, и то лишь мельком. Он не понимал, зачем тот пожаловал. Наставника уважали, но из-за разницы в ведомствах они старались не пересекаться.

Визит осторожного и рассудительного Ли стал полной неожиданностью. Премьер-министр не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к делу. Он пришел просить «чудо-лекарство».

С начала седьмого года правления Чунъюань спокойствия не было: засухи, наводнения, эпидемии, беспокойные границы. Особенно на северо-западе, где зараза свирепствовала уже несколько месяцев. Ежедневно умирали люди, государственная казна опустела на треть, а болезнь так и не удалось взять под контроль. Если так пойдет и дальше, династию Тун ждет крах.

Ли узнал о способностях нового наставника, как только тот прибыл в столицу. Но даже несмотря на восторженные слухи, он сомневался. Однако сегодня все сомнения развеялись: он

своими глазами видел коллегу, который из-за болезни давно ушел в отставку, а после приема лекарства наставника буквально воскрес. Это было не просто лечение, а полное перерождение!

Пораженный до глубины души, он поспешил в павильон, даже не пообедав. Он хотел лишь получить лекарство, чтобы завтра на утреннем докладе предложить отправить его на северо-запад и спасти тысячи жизней.

Му Цинхуа не отказал. Более того, проводив Ли, он заперся в своей комнате и принялся за работу. Потребуется много лекарств, и его запасов не хватит. Подумав, он отправился к Е Чунланю, изложил ситуацию и попросил от имени двора закупить необходимые травы.

Е Чунлань легко согласился, но внезапно почувствовал укол совести. Он обнял Му Цинхуа и с грустью в глазах прошептал:

— Я неважный император. В памяти прежнего хозяина были воспоминания об эпидемии на северо-западе, но я даже не вспомнил о них...

Му Цинхуа чувствовал, как сильно сжимаются руки на его талии, и ощущал исходящую от того печаль. Он поднял руку и, как ребенка, осторожно погладил его по спине. Движения были мягкими, а голос — спокойным:

— С чего ты взял, что ты неважный император? Если бы не ты, я бы не стал тратить столько сил на изготовление лекарств.

Е Чунлань тихо рассмеялся, и тяжесть, сковавшая его лицо, наконец рассеялась. Таким он нравился Му Цинхуа больше всего. Тот невольно вздохнул с облегчением.

Затем он услышал:

— Вовсе нет! Даос помог бы им и без меня. Даос — хороший человек, я знаю!

Му Цинхуа, получивший от него «карточку хорошего человека», лишь промолчал.

<http://bllate.org/book/22147/2307318>